

ГОРЯЧО - ХОЛОДНО

Плучшее намерение моего детства – лето. Зима – это время беды. Геленджик. Мы с папой в гостях. Теперь у меня есть брат! И сестра. Двоюродные. Ну и что. Это как настоящие.

– Смотри, какой хорошенький мальчик.

– Я девочка.

Все из-за дурацких шорт, которые заставляют носить летом, и потому что у меня короткие волосы. Длинные мне не разрешают.

Какой огромный дом. И сад! Потом мимо всех этих немыслимых абрикосов, персиков, груш. Пробираемся. И там!

– Это наш домик Бабы Яги, – скучным голосом говорит моя новая сестра Лена. У нее большое плоское лицо, длинные косы. Ей уже двенадцать лет. Почти тринадцать. Ужасно старая.

Домик деревянный, некрашеный, темный. Внутри лавка вдоль стены, в углу черный очаг, с углами и пеплом. Свешиваются пучки трав, бусы из ракушек. Косточки. (чyi-то! Баба Яга!) Старый горшок. Жабьи лапки.

У меня внутри все замирает как вихре. Какой-то отзвук тела, неотразимое. Это как удар. Лена что-то говорит. Разрешают здесь ночевать! Одним?!

Я хочу жить в этом домике, это мой, он им не нужен. Но я молчу.

– Черепа – это бывшие люди, сказал мой новый брат. – Покойники! Страшно? Тут война была.

Мне пять лет, мы лазаем в скалах. Кости. Белесое, серое, сухое. Это не имеет ценности: вон его сколько валяется. Я шевелю ногой что-то рассохшее, плоское: опять кость? Нет. Гроб, очень узкий, доски разлезлись.

Жарко. Скрипучая пыль. Старые кости. Белые, черствые и пористые. Обломочки. Баба-Яга.

– Мы умрем?

Предположение звучит несерьезно.

Сухой и потрескивающий жар смерти. Чужая земля.